

Юдин С. С.

Вопросы обезболивания в хирургии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 617
ББК 54.5
Ю16

Ю16 **Юдин С. С.**
Вопросы обезболивания в хирургии / Юдин С. С. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 578 с.

ISBN 978-5-458-33285-9

Избранные произведения. Вопросы обезболивания в хирургии.

ISBN 978-5-458-33285-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ЮДИНА

*ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ, ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР,
ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСКОГО КОЛЛЕДЖА
ХИРУРГОВ, АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ХИРУРГОВ, ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
1891—1954*

Сергей Сергеевич Юдин родился в г. Москве 27 сентября ст. ст. 1891 года. Он был вторым, по рождению, ребенком в семье служащего, технического директора фабрики военного обмундирования. Отец его, Сергей Сергеевич, получил удовлетворительное по тому времени образование в средней (Петропавловской) школе при немецкой колонии в Москве.

Мать его, Екатерина Петровна, урожденная Гаврилова, обучалась в женском отделении той же школы, по окончании которой рано вышла замуж и целиком отдалась семье.

Родители, хорошо понимая важность воспитания и образования для своих семерых детей, старались уделять им как можно больше внимания. Умная, развитая мать, хорошо знакомая с русской и французской литературой и искусством, очень многое из своих знаний передала сыну Сергею, развивая его природный художественный вкус и детскую любознательность. Екатерина Петровна дожила до старости, сохранив ясность суждений и прекрасную память, и пользовалась неизменным уважением и признательностью всех своих детей. Сам Сергей Сергеевич с необычайной теплотой рассказывал о своей матери, которая во многих вопросах осталась для него авторитетом на всю жизнь. Отец также свободное от службы время проводил дома, в кругу семьи.

С самых детских лет в семье поощрялось стремление к знаниям, рукоделию, музыке и т. п. Дети, особенно мальчики (их было четверо и почти все погодки) столярничали, выпиливали, украшали сделанные ими шкафчики, ширмы, полки для книг и прочие предметы домашнего обихода металлопластикой, выжиганием, разрисовкой. Лучшим художником среди них был Сергей и ему поручалась обычно самая ответственная часть работы. По вечерам часто устраивались коллективные чтения сначала детской, а затем художественной литературы. По праздникам посещали музеи, совершали поездки по окрестностям Москвы. Зимой большим успехом пользовались коньки и лыжи, а летом — прогулки, футбол, теннис и рыбная ловля. Периодически проводились занятия французским разговорным языком.

Семи лет Сергея Сергеевича поместили в один из лучших в то время Московских детских садов Л. Н. Валицкой (на Маросейке, ныне ул. Богдана Хмельницкого). Здесь за три года он подготовился к поступлению в среднюю школу и успешно сдал (в 1902 г.) вступительные экзамены в Московскую

2-ую гимназию, помещавшуюся на Разгуляе, в бывшем особняке Мусина-Пушкина, где в настоящее время находится Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева.

В этой гимназии культурный и образованный директор В. М. Михайловский подобрал хороший коллектив преподавателей. Классным руководителем и преподавателем математики (а в старших классах также физики, химии и космографии) был передовой энергичный и требовательный педагог Николай Владимирович Кашин, оказавший большое влияние на развитие, формирование характера и на направление научных интересов Сергея Сергеевича.

Н. В. Кашин наряду с занятиями по программе старался иллюстрировать курс наглядными примерами из окружающей природы; по курсу физики и химии учащиеся выполняли лабораторные работы, приучившие их иметь дело с точными научными приборами и аппаратурой, проводились семинары, на которых отдельные ученики делали доклады для углубления сверх программы наиболее интересных и важных вопросов физики и химии. При прохождении космографии Н. В. Кашин с научной убедительностью излагал своим ученикам теорию Коперника, работы Галилея и т. п. А три закона Ньютона, написанные на латинском языке, были вывешены на стене в физическом кабинете рядом с портретом великого ученого и портретами Лобачевского, Ковалевской и др.

В 1947 г., в день 75-летия Н. В. Кашина, ставшего к этому времени профессором и заведующим кафедрой физики Московского горного института, Сергей Сергеевич во главе делегации бывших учеников Московской 2-й гимназии прочитал с трибуны приветственный адрес, в котором ученики Кашина, в свою очередь ставшие крупными учеными, художниками, видными советскими работниками, особо отмечали роль этого талантливого преподавателя в их образовании и развитии.

Из других учителей, содействовавших увлечению Сергея Сергеевича науками, можно отметить преподавателя географии, истории и латинского языка Владимира Петровича Глики. Он умел заинтересовать учеников своими предметами, так как, будучи передовым, либерально настроенным человеком, вел курс с увлечением и оттенял наиболее интересные эпизоды мировой истории, а при изучении латинского языка обращал особое внимание учеников на его красоту, а также на художественную и историческую ценность дошедших до нас памятников римской литературы. В результате занятий латинским языком Сергей Сергеевич знал наизусть ряд од Горация, отрывки из Энеиды Вергилия, отдельные места из речей Цицерона и из записок Юлия Цезаря. Даже через сорок лет Сергей Сергеевич при случае с воодушевлением цитировал любые места из этих произведений.

Хорошее знание латинского языка способствовало последующим занятиям Сергея Сергеевича на медицинском факультете Московского университета.

Много содействовал общему и культурному развитию Сергея Сергеевича отличный преподаватель русского языка и литературы Сергей Николаевич Смирнов. Сергей Сергеевич полюбил литературу и знал наизусть много произведений Пушкина, Некрасова, Тургенева, Гоголя, Белинского и др. До конца жизни он с наслаждением и пониманием читал отечественную и зарубежную художественную и историческую литературу и собрал у себя отличную библиотеку.

Из одноклассников большое влияние на направление развития Сергея Сергеевича оказал Леонид Васильевич Курчевский, впоследствии известный инженер-изобретатель. Одаренный человек и большой любитель естественных наук, любитель природы, спорта и, в частности, охоты Курчевский был любимым учеником Н. В. Кашина и благодаря совместному увлечению

физикой и химией особо сблизился с Сергеем Сергеевичем. К этому добавились смелые по тому времени их велосипедные поездки вдвоем на дальние расстояния.

Заметное влияние на Сергея Сергеевича оказала дружба с одноклассниками, будущими выдающимися советскими художниками братьями Василием и Борисом Николаевичами Яковлевыми. Уже тогда, в гимназии, оба брата занимались живописью под руководством известного художника Василия Никитича Мешкова. Сергей Сергеевич, с детства интересовавшийся живописью, не раз оживленно и с пониманием дела вел с Яковлевыми дискуссии по вопросам искусства. Позднее Сергей Сергеевич собрал хорошую коллекцию картин, среди которых имеются полотна обоих братьев.

Первые навыки по препарированию и изучению животных пятнадцатилетний Сергей Сергеевич получил от проживавшего на даче в Царицине студента-естественника Московского университета Анатолия Ивановича Давыдова. Возможно, что эти занятия, особенно интересовавшие Сергея Сергеевича, предопределили окончательно выбор им специальности — медицины.

Бесспорно, что среди сверстников Сергей Сергеевич выделялся своими способностями, широтой кругозора, отличной памятью. Но не одними природными способностями объясняется то, что он сделался замечательным советским хирургом и ученым. Умение работать, воспитанное с детства, любовь к труду и целеустремленность не покидали его и позже, а основа этих качеств была заложена с самых ранних детских лет хорошим трудовым воспитанием в семье.

Сергей Сергеевич еще в школьные годы стал развивать в себе любовь к природе, к знаниям, к науке, сближаясь с теми товарищами, которые ему были в этом полезны. Так, еще в гимназические годы Сергей Сергеевич устроил себе дома в небольшом чулане химическую лабораторию, где проводил интересовавшие его опыты.

Прочитав книгу Дарвина «Вокруг света на Бигле», Сергей Сергеевич занялся систематическим наблюдением природы. Собирая коллекции насекомых, он брал по несколько экземпляров каждого в целях изучения закона изменения вида. Одним летом на даче, в Царицине, рядом с «Химической лабораторией» была устроена клетка, в которой содержались две обезьяны — марьшук и капуцин. Большинство детей просто забавлялись этими обезьянами, а Сергей Сергеевич систематически наблюдал за ними и приручал их.

Шестнадцать лет Сергей Сергеевич сделался преподавателем-репетитором сына одного из Московских богачей А. Ф. Морозова. Сергей Сергеевич очень гордился этими своими первыми заработками, которые в течение 3—4 лет обеспечили ему средства на пополнение его библиотеки и аппаратуры для лаборатории, которая непрерывно увеличивалась.

Например, однажды для каких-то опытов ему понадобилась индукционная катушка Румкорфа высокого напряжения, стоившая очень дорого. Недолго думая, изучив конструкцию катушки, на которую требовалось намотать десятки тысяч витков проволоки (тонкой обмотки), Сергей Сергеевич смастерил примитивный станок для намотки проволоки равными витками с соответствующими интервалами и изготовил хорошую катушку Румкорфа.

Приученный с детства к труду и сам любя труд, Сергей Сергеевич не боялся браться за совершенно новые для него работы, подготовлялся поделовому к их осуществлению, расспрашивал или искал в литературе то, чего не знал, и добивался успешного выполнения своих планов.

Наглядным примером упорного труда над самообразованием является изучение Сергеем Сергеевичем иностранных языков. Гимназия давала сравнительно слабые знания французского и немецкого языков. С французским

языком дело обстояло хорошо, так как на нем говорили с детства в семье. Но Сергей Сергеевич не ограничился этими знаниями. Он много и настойчиво читал по-французски и по-немецки и искал, где возможно, случаев попрактиковаться в разговоре. Значительно позже, уже будучи врачом, Сергей Сергеевич, совершенно для него заново, занялся изучением английского языка и добился того, что стал относительно хорошо читать и разговаривать по-английски.

Французским языком Сергей Сергеевич владел настолько, что не только разговаривал на общие медицинские темы, но даже сделал ряд докладов во Франции.

Следует также отметить, что Сергей Сергеевич с детства любил музыку, имел хороший музыкальный слух. В течение нескольких лет он пел в гимназическом хоре.

Кроме пения в хоре, Сергей Сергеевич выступал и как солист. Например, когда одним из его сверстников, С. С. Коробовым, пятнадцатилетним композитором, была написана одноактная опера «Фея кукол», то при первой и единственной постановке этой оперы в домашних условиях Сергей Сергеевич исполнял главную партию—хозяина магазина игрушек.

Сергей Сергеевич в течение нескольких лет обучался игре на скрипке и проявил в этом деле изрядные способности. Помимо исполнения скрипичных пьес на гимназических концертах, Сергей Сергеевич участвовал в любительском симфоническом оркестре, организованном его учителем по скрипке А. К. Лебедевым.

Несомненно, что в музыке Сергей Сергеевич мог бы достичь больших успехов, но когда встал вопрос о выборе основной профессии, он отдал предпочтение медицине.

Ни тогда, ни позже, со свойственным ему чувством такта, он не говорил и не писал о своей громадной любви к людям, любви, определившей выбор профессии и сделавшей его жизнь подвигом беззаветного и бескорыстного служения народу. Но в 1949 г., после своей многолетней хирургической деятельности, он писал: «всякие похвалы люди слушают по своему адресу всегда с удовольствием; неверно было бы отрицать это и мне. Но если справедливо хвалить человека за проявленное терпение и выдержку, настойчивость при первых неудачах, широту и размах в постановке опытов, невзирая на количество затраченного труда, то хвалить за энтузиазм, т. е. любовь и интерес к своему делу, мне представляется излишним, ибо разве может быть безразличное отношение к медицинской профессии, а тем более к хирургической специальности?»

Высокая страсть, горение, энтузиазм в избранной любимой специальности были для него состоянием столь естественным, что иное отношение к делу было совершенно немыслимо. Это отношение к хирургии, появившееся еще во времена студенчества, не изменило ему до последнего часа, последней минуты его яркой, полной кипучей деятельности жизни.

Трудовая и кипучая, полная постоянных исканий хирургическая деятельность С. С. Юдина началась еще в университетские годы, когда все свое свободное время он отдавал работе по оперативной хирургии у проф. Венгловского и работе в гинекологической клинике, возглавляемой проф. А. П. Губаревым. Ученик В. Ф. Снегирева — А. П. Губарев, который был одним из лучших русских хирургов-клиницистов, сразу отметил незаурядное дарование студента. Он уделял Юдину много внимания и передал ему не только высокое мастерство хирурга, которое впоследствии Сергей Сергеевич довел до совершенства, но и развил в нем клиническое мышление и привил вкус к новым исканиям и широким научным обоснованиям.

В 1949 г. С. С. Юдин в своих воспоминаниях писал: «Лекции, семинары, показательные операции, а еще более групповые беседы при коллоквиумах

могут оказать глубочайшее, незабываемое впечатление на слушателей, на всю жизнь врезаться в их память и не только повлиять на окончательный выбор специальности, но предопределить научную тематику на долгие годы.

Со мной случилось именно так; из тех хирургических проблем, какими я занимался всю свою жизнь, многие выросли из семян, оброненных моим учителем, проф. А. П. Губаревым, порой в коротких фразах на лекциях или в беседах; и всегда мысли его были выражены без пафоса, но сильно, выразительно.

Я, конечно, не помню ни этих фраз, ни самих случаев через 35 лет, но я уверен, что проблемы анестезии, борьбы с инфекцией и тема трансфузий были мне привиты Александром Петровичем, подобно тому, как безусловно он подал мне пример оживлять академические лекции не только конкретными клиническими примерами, но даже житейскими случаями».

До конца жизни С. С. Юдин с благоговением вспоминал своего первого учителя А. П. Губарева, с которым он мечтал работать по окончании университета. Однако мечте Сергея Сергеевича остаться в клинике не суждено было осуществиться. Начавшаяся первая мировая война не позволила ему сдать государственные экзамены. Он был зачислен зауряд-врачом в один из полков и с этого дня началась его самостоятельная работа.

Жизнь в окопах многому научила молодого врача. Он понял, что война вблизи отлична от войны на расстоянии, а главное, видя невозможность в силу многих существовавших тогда причин оказывать непосредственную необходимую помощь раненым, он понял, в чем должны состоять изменения и в организационных и лечебных вопросах. В дальнейшем этот жизненный урок позволил С. С. Юдину во время Великой Отечественной войны заняться главным и насущным для обеспечения хирургической помощи раненым (анестезия холодом, применение гипсовых повязок, обработка ран и т. д.).

По окончании войны С. С. Юдин попал на работу в Захарьино. Возглавлял в то время работу в санатории А. В. Иванов, хирургами-консультантами были известные хирурги Б. Э. Беляев и Т. П. Краснобаев. Алексей Васильевич Иванов принадлежал к числу лучших деятелей медицины, как В. А. Обух, Н. А. Семашко, С. И. Спасокукоцкий, С. А. Александров и многие другие.

Народоволец, скрывавший в свое время от царской полиции М. В. Фрунзе, А. В. Иванов ввел в круг земских врачей С. С. Юдина, искренняя дружба с которыми продолжалась у него многие годы. В своих воспоминаниях о нем С. С. Юдин писал: «Осенью 1919 г. будучи демобилизован с военной службы, я отыскал в Москве своего старого друга, доктора Алексея Васильевича Иванова из Никольской больницы. Мы были хорошо знакомы, ибо в 1915 г. во время моего приезда с фронта я не только проработал месяца три в его больнице, но при этом ночевал у него на квартире. Спать приходилось мало: я с жадностью обучался врачебному делу в амбулатории и больнице, а вечерами до самой глубокой ночи с той же жадностью слушал интересные рассказы А. В. о его студенческих годах, о профессорах-учителях и о товарищах—земских врачах. Эти ночные сидения были для меня не только отличными наставлениями для дальнейшей практической деятельности, но и незаменимыми уроками врачебной этики, морали и сознания долга. Он же был таким видным ученым, как, например, Т. П. Краснобаев, таким администратором, как Меркулов, и даже столь принципиально строгим, как Н. Н. Печкин, тем не менее в моей тогдашней судьбе, определившей во многом все последующее развитие моей жизни, Алексей Васильевич сыграл главную роль».

Постоянное общение с земскими врачами Гетье, Ферапонтовым, Ивановым, Сахаровым, Печкиным, Меркуловым давало С. С. Юдину богатый жизненный и врачебный опыт.

Здесь, в Захарьине, прошел первый, серьезный этап хирургической работы.

Организуя лабораторию и рентгеновский кабинет С. С. Юдин со свойственным ему энтузиазмом изучил в совершенстве немецкий язык, лабораторное дело и овладел еще одной специальностью — рентгенологией.

Наблюдения, сделанные в Захарьине, послужили темой сообщения на XVI съезде российских хирургов: «34 случая торакопластики при застарелых эмпиемах плевры». Материал в то время был настолько крупный, а исходы этих огромных вмешательств были столь хорошими, что молодой хирург был замечен на съезде.

Еще в Захарьине С. С. Юдин начал работать над своей диссертацией по спинномозговой анестезии. Так описывает он в своих воспоминаниях начало работы над этой темой: «Я взял отпуск в санатории специально для работы в Центральной медицинской библиотеке. Изучая и реферируя все работы по спинномозговой анестезии для своей диссертации, я написал и издал ее уже в Серпухове. Но подавляющее количество литературы я прочел и записал при поездках из Захарьина.

Библиотека помещалась тогда в здании бывшего банка, позади цветочного магазина на Петровке, прямо против Столешникова переулка. Она открывалась в 11 часов утра и я приезжал из Захарьина на велосипеде точно к открытию. Книги и тетради, оставленные накануне, лежали на моем столике.

Я работал, абсолютно не отвлекаясь, часов до пяти, а затем выходил что-нибудь поесть на полчаса. После этого я вновь шел читать и записывать часов до 8 или 8.30. Затем садился на велосипед и по вечерней прохладе, но засветло возвращался домой, в Захарьино. Этот месячный отпуск я использовал чрезвычайно плодотворно: тут был заложен главный фундамент моей книги «Спинномозговая анестезия».

Приближался год 25-летия спинномозговой анестезии.

К этому времени С. С. Юдин перешел на работу в Серпухов и в конце 1922 г. был из Серпуховской больницы командирован в Германию, где посетил клиники Бира, Зауэрбруха и др.

Ведя большую разнообразную и многогранную деятельность в Серпухове, Сергей Сергеевич продолжал работу над монографией «Спинномозговая анестезия». Только исключительное трудолюбие, целеустремленность, внутренняя собранность, невероятная трудоспособность и колоссальная память позволили ему, непрерывно работая над монографией, не только не пропустить ни одного заседания Московского хирургического общества, но и поражать слушателей своими выступлениями, художественно оформленными демонстрациями и докладами по самым различным разделам хирургии. Здесь и демонстрация ребенка с экстирпацией верхней челюсти и экзентерацией глазницы по поводу саркомы, операции, выполненной под спинномозговой анестезией, и реконструктивная операция на желудке, и костнопластические операции, и уникальные тогда операции — экзартикуляции бедра с удалением части таза по поводу саркомы, и резекции желудка при хронических, прободных язвах и раке, создание искусственного влагалища и т. д.

Деятельность молодого хирурга привлекла внимание медицинской общности столицы, а в Серпухов приезжали смотреть выполнявшиеся им операции не только рядовые, но и ведущие хирурги, как В. И. Разумовский, С. И. Спасокукоцкий и др.

В 1925 г. в Серпухове была издана книга С. С. Юдина «Спинномозговая анестезия». А. П. Губарев по этому поводу писал: «Я с большим удовольствием ознакомился с этим самостоятельным сочинением одного из моих учеников, который уже успел обнаружить свое сознательное и умелое отношение к хирургическому делу и стал получать достижения, которым я от

души порадовался. В этой книге многое мне показалось очень поучительным и практически полезным, заставило задуматься и пожалеть, что состояние моего здоровья уже лишило меня возможности продолжать применение того искусства, которому была посвящена вся моя довольно продолжительная жизнь». Эта монография получила премию имени Ф. А. Рейна.

А. П. Губарев, оценивая первую капитальную работу С. С. Юдина о спинномозговой анестезии, одним из достоинств ее считал то, что «широкое использование специальной литературы на разных языках представляет особую ценность этой книги для русского читателя, так часто лишенного возможности пользоваться иностранной печатью, которая многим недоступна по незнакомству с языками».

Утверждение своего учителя, что хирургия является не только наукой, но также искусством, С. С. Юдин продолжал победно нести в жизнь. Серпуховская деятельность, его выступления на съезде и в хирургическом обществе, монография «Спинномозговая анестезия» поставили его, несмотря на его молодость, в первые ряды советских хирургов-новаторов, идущих не по проторенной дорожке.

Пятилетний отчет С. С. Юдина о деятельности хирургического отделения Серпуховской больницы показал, какой многогранной может быть работа хирурга. Целеустремленный хирург в своей области может и должен быть всесторонним, об этом свидетельствовали вся жизнь и деятельность Сергея Сергеевича.

В 1926—1927 гг. С. С. Юдин был командирован в США.

Его блестящие записки о поездке («В гостях у американских хирургов») с захватывающим интересом на протяжении пяти номеров «Нового хирургического архива» читали не только хирурги, но и врачи всех специальностей, и даже люди, не имеющие к медицине никакого отношения.

Там, на родине открытия наркоза, у С. С. Юдина зародилась мысль довести до советского врача всю историю блестящих и печальных событий, сопровождавших это величайшее открытие. Эта мысль не покидала его до конца жизни. История обезболивания была самой любимой темой его лекций. При жизни он не успел издать свою книгу об истории открытия наркоза, не успел и довести ее до наших дней в той полноте, в какой она была задумана. Однако то, что написано и входит в первый том посмертного издания под названием «Образы прошлого в развитии хирургического обезболивания» читается с захватывающим интересом, как и все книги Сергея Сергеевича.

По возвращении на родину изменилась вся жизнь Сергея Сергеевича: умер главный хирург Института имени Н. В. Склифосовского В. А. Красинцев, и Юдин занял место заведующего хирургическим отделением института. 36-летний хирург, полный планов и мыслей, нашел богатую почву для практической и научной работы. Расположение института совместно со станцией скорой помощи в центре города и удобство доставки больных давали перспективы для развития многих проблем, особенно в области неотложной хирургии.

Среди множества проблем С. С. Юдина особенно привлекала желудочная хирургия, которой он начал увлекаться еще в Захарьине. Работы в этой области впоследствии принесли ему мировую известность и всеобщее признание. Его блестящие доклады поражали неожиданностью суждений и выводов, и всегда вызывали живой интерес и горячие прения.

В настоящее время многие вопросы, касающиеся язвенной болезни, пересмотрены, многие пересматриваются вновь и вновь. Однако, окидывая взором прошлое, вспоминая сказанное, перечитывая все написанное С. С. Юдиным в отношении язвенной болезни и сравнивая это с современными работами, мы убеждаемся в том, что все сделанное им в отношении лечения даже много лет назад является нужным и своевременным.

С. С. Юдин стремился применить хирургическое лечение язвенной болезни наиболее своеобразными методами там, где консервативное лечение бывало бессильно.

Рано убедившись в бесполезности гастроэнтеростомии при язвенной болезни, он неутомимо боролся за широкое распространение операций резекции желудка.

Сейчас можно было бы и не касаться вопроса о гастроэнтеростомии, если бы на XXV съезде хирургов не оказалось многочисленных сторонников этой операции.

Ряд паллиативных операций, предпринимавшихся для лечения язвенной болезни, в настоящее время отвергнуты и методом выбора является резекция желудка, но для того, чтобы прийти к такому выводу потребовалась упорная борьба.

В «Этюдах желудочной хирургии» С. С. Юдин писал: «С. И. Спасокукоцкий, докладывая на VII съезде российских хирургов о 109 операциях при язвах желудка, предсказывал, что будущее принадлежит резекции. Однако осуществление этого метода лечения было отложено на долгие годы».

Я. О. Гальперин, ассистент С. И. Спасокукоцкого не только не проникся и мыслями и верой своего учителя в будущность резекции как нормального метода операции при язвенной болезни, но, наоборот, защитив диссертацию на тему «Доброкачественные заболевания желудка и двенадцатиперстной кишки и их хирургическое лечение», стал одним из наиболее убежденных и ревностных сторонников гастроэнтеростомии в нашей стране. К XXV съезду хирургов он располагал данными о 600 операциях гастроэнтеростомии, а В. В. Успенский о 2000 операций. Они имели громадное влияние на хирургов нашей страны и до конца оставались и пропагандистами и верными защитниками этой операции. Действительно, сила убежденности в целесообразности такой операции была настолько велика, что когда П. А. Герцен демонстрировал 2 больных после резекции желудка по поводу язвы, присутствующие ведущие хирурги Москвы С. П. Федоров, Ф. А. Рейн, А. В. Мартынов, И. К. Спизарный, Н. Н. Теребинский, П. Д. Соловов, А. Н. Гагман и др. высказались отрицательно об этой операции.

Отстаивая свои позиции П. А. Герцен сказал тогда мудрые слова: «Надо научиться делать резекцию желудка и тогда эта операция будет такой же простой, как снятие ногтя».

Рано убедившись в бесполезности гастроэнтеростомии, Сергей Сергеевич настойчиво, неутомимо преодолевая громадное сопротивление всех признанных авторитетов, шел прямо по намеченному пути. В 1929 г. он говорил: «Уже давно, видя многочисленные недостатки гастроэнтеростомии, я стремился делать резекции не только при язвах желудка, но и особенно при язвах двенадцатиперстной кишки, удаляя, кроме самой язвы, всю малую кривизну желудка вместе с антральным отделом и всей язвенной зоной».

Твердость убеждения не уменьшается и при сравнении численной разницы в непосредственных результатах: 1,5—2% летальности при гастроэнтеростомии и 7—10%—при резекции».

Уменьшение летальности С. С. Юдин ищет в уточнении показаний, улучшении техники, выборе наиболее щадящей анестезии и улучшении послеоперационного ухода. В 1928 г. он решил попробовать сделать резекцию в случае свежего прободения.

К концу 1929 г. он мог уже представить огромный для того времени материал по прободным язвам: 51 резекцию с летальностью 12%, 18 ушиваний с гастроэнтеростомией с летальностью 38% и 7 случаев зашиваний язвы; 4 больных после зашивания язвы умерли. Общая летальность на 76 случаев

составила 22,5%, т. е. столько же, сколько было и у его предшественника В. А. Красинцева, который в 90% случаев производил ушивание с гастрозентеростомией.

Общий итог, как видно, не изменился в лучшую сторону и польза резекции для большинства хирургов не явилась убедительной, ибо главным возражением было то обстоятельство, что резекции делались наиболее крепким и молодым больным и в наиболее ранние сроки, прошедшие с момента перфорации.

Как бы то ни было, этот период конца 20-х годов определил дальнейшее направление в хирургическом лечении язвенной болезни не только в отношении хронической язвы, но и при ее перфорации.

Отдавшись всецело изучению язвенной болезни, улучшению методов диагностики и результатов радикального лечения при этом заболевании, Сергей Сергеевич все дни и вечера проводил в институте, отдыхая лишь с 4 до 7 часов у себя дома. В любой час ночи, как бы поздно он ни уходил накануне, как только привозили больного с прободением язвы, он являлся немедленно.

К концу 1934 г., в период нарастающей дискуссии, в Институте имени Н. В. Склифосовского была произведена тысячная операция по поводу прободения желудка и двенадцатиперстной кишки. Из этого количества в 673 случаях была произведена резекция (летальность 10%). Количество гастрозентеростомий, производимых при В. А. Красинцеве, с 90% упало до 8%, ибо по мере накопления опыта стали убеждаться в том, что опасность сужения привратника после наложения швов сильно преувеличена. Общая летальность начала заметно снижаться и к этому периоду уже равнялась 15,8%. Отношение резекций к паллиативным операциям составляло 3:1.

К 1938 г., когда дискуссия по поводу тактики при наиболее бесспорных показаниях к операции, т. е. в состоянии острого прободения, достигла наибольшей остроты, С. С. Юдин имел основание сказать: «И если еще недавно сторонники гастрэктомии насчитывались немногими единицами, а публикуемый ими материал был еще не велик, то ныне настало время для уже значительных итогов».

Работы С. С. Юдина и его доклады в нашей стране и за рубежом к этому времени сыграли громадную роль. Однако о том, как трудно было убедить хирургов в целесообразности и возможности осуществления резекции при прободении, видно из того, что в Париже не нашлось ни отдельного хирурга, ни лечебного учреждения, которые бы имели материал более чем 10 резекций. Пьер Брок, собравший к этому времени статистику, в которую включил данные хирургов или хирургических отделений, касающиеся не меньше чем 10 резекций при прободении, смог объединить в своей таблице 23 авторов. Самые большие цифры и самые лучшие результаты среди них были у С. С. Юдина: 9% летальности против 15% летальности у иностранных авторов, а в Париже, где производились только паллиативные операции, летальность равнялась 26%.

Анализируя этот период, С. С. Юдин отмечает два фактора, влияющих на процент летальности при резекции: 1) в руках различных авторов гастрэктомия дает совершенно различные исходы; 2) умение сделать правильный выбор между резекцией и паллиативной операцией; при этом он придает большое значение правильной оценке показаний, а не только оперативной технике.

В 1943 г. С. С. Юдин подводит итоги 25-летнего опыта хирургического лечения язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. В эти итоги вошли 1372 операции по поводу хронических язв, 2020 операций по поводу прободений, 427 операций по поводу кровотечений, т. е. 3824 операции,

не считая операций, сделанных по поводу рака и других заболеваний желудка, которые составили еще 1496 операций. В этой работе он дает объяснения по каждому разделу желудочной хирургии.

Особый интерес в этих итогах представляют данные, относящиеся ко времени Великой Отечественной войны. До войны отношение резекций к паллиативным операциям было 3:1, т. е. резекции подверглись 75% оперированных больных. Во время войны часть сотрудников, старших ассистентов ушла на войну. Это сразу сказалось на соотношении между резекциями и паллиативными операциями. Они стали 1:1, т. е. показания к резекции стали уже, а к паллиативным операциям шире. Юдин по этому поводу писал: «Столь осторожный выбор окупится замечательными результатами: 434 резекции дали 13 смертельных исходов, т. е. 2,9%. О резекциях ныне стало возможным высказаться более определенно, ибо наш опыт и по числу сделанных операций и долгим годам наблюдений стал уже достаточно убедительным. Летальность при резекции ниже той средней летальности, которая до сих пор опубликована. — Далее он пишет: — если будут указывать, что эти 937 резекций сделаны на самом лучшем материале, т. е. в ранние часы и у молодых больных, то я отвечу — верно. Именно так и нужно делать. Но эти 937 резекций составляют целых 75% всех моих оперированных. Если руководствоваться весьма низкой смертностью, сопровождающей радикальное вмешательство, подобное желудочным резекциям, можно, пожалуй, прийти к выводу, что эти операции и являются методом выбора при прободных язвах. Это было бы совершенно неверно, поскольку для таких радикальных вмешательств отбираются случаи с хорошим прогнозом и не берутся случаи с небольшим шансом на успех».

Непрерывно работал Сергей Сергеевич и над техническим совершенствованием резекций желудка. Всем известны и его методы обработки культи двенадцатиперстной кишки и методика резекций при высокорасположенных язвах и опухолях желудка. Естественно, что и вопросы анестезии, которыми он каждодневно занимался, не прошли бесследно. Постоянные поиски в этом направлении, заставляли разрабатывать все новые и новые приемы. С. С. Юдин производил операции и под местной анестезией, и под спинномозговой, и в комбинации с применением авертина, и внутрибрюшной гексеналовой наркотизации, и газовый, и интратрахеальный, и алкогольный и т. д. В течение всей своей хирургической деятельности он глубоко изучал и совершенствовал многочисленные способы анестезии. С 1926 г. он неоднократно в периодической печати и в докладах ставил вопрос о подготовке специалистов, разрабатывающих сложную проблему хирургического обезболивания — врачей-анестезиологов.

Наряду с желудочной хирургией С. С. Юдин проводил большую работу по внедрению в широкую практику эндоскопий. В течение ряда лет им были произведены сотни эзофаго- и бронхоскопий по поводу инородных тел. Он передавал свой опыт многочисленным ученикам и курсантам, демонстрировал громадные коллекции разнообразнейших извлеченных из пищевода и бронхов предметов.

Возглавив хирургическую службу института, главный контингент которого составляли больные, требующие неотложной помощи, С. С. Юдин проводил громадную организационную работу. При нем был организован мощный операционный блок со специальными послеоперационными палатами, оснащенный новейшей аппаратурой и инструментарием. В корне изменилось и обслуживание больных с травмами. Специально для этой цели были выделены палаты, оснащенные всем необходимым для функционального и хирургического лечения переломов конечностей. Создан штат специально операционных сестер. Увеличена численность хирургов, из них организованы мощные бригады, несущие круглосуточные дежурства.